

Павел Чук

КОРДОН 17

12+

Павел Чук

Кордон 17

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чук П.

Кордон 17 / П. Чук — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Год 2010 выдался тяжёлым. Невыносимая жара привела к катастрофическим последствиям. Горели леса, горели поля, полыхало всё, что только могло и не могло гореть. Повесть основана на реальных событиях. Всего лишь один день из жизни пожарного расчёта, но сколько таких дней было за тот страшный год...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Павел Чук

Кордон 17

Глава 1

Утро, а за окном невыносимая жара. Я подошёл к окну открыть сильнее створки, чтобы воздух в комнате хоть как-то протягивался сквозняком.

«Ладно. Это лето потерпим. Всё-таки в этом году обещал своих свозить на море. Но в следующем, скоплю денег и установлю кондиционер. Сколько он стоит? Десять-двенадцать тысяч? М-да. Зарплата за полтора месяца».

– Вань, у тебя когда отпуск? – вывела из раздумья жена Светлана.

Я улыбнулся: «И она никак не дожётся обещанной поездки».

– Через две недели. Сегодня напишу заявление.

– Петрович отпустит?

– Думаю, что да. По крайней мере, обещал ещё в начале года отпустить меня в августе.

– Верно. Ты говорил. Но, смотри, какая жара стоит, не отменяют отпуска?

Этот вопрос меня больше всего волновал. Как-никак для лесничего, да ещё старшего пожарного расчёта, лето – это самая тяжёлая пора. За последнюю неделю только мелких, локальных возгораний, куда приходилось выезжать нам – бойцам пожарно-химической станции №10, было десятка два, если не больше. Но что поделать. Конец июля, а дождя не было уже почти два месяца и жара стоит под сорок. Очень тяжкое лето. Где-то читал, что очередной конец света намечен на две тысячи двенадцатый год, но почему-то лето две тысячи десятого выдалось настолько сухим и жарким, что старожилы села и не припомнят такого.

– Когда вернёшься?

– Сегодня пятница. С ребятами посидим чуток, поговорим. Женька проставляется с первой зарплаты...

– Это который?

– Я ж тебе говорил, Женька Ветров, что из города приехал погостить к своим на лето. Он в пожарную часть устроился, чтоб подработать, пока каникулы. Всё-таки первая зарплата у него.

– Так он в институт поступил?!

– Ну, да. Разве не знаешь?!

– Так говорили, что его в армию забрали.

– Врут.

– Тогда ладно. Посидите, поговорите, только чтоб домой сам пришёл, а не как в прошлый раз...

Я ухмыльнулся. Сколько она мне будет вспоминать этот «прошлый раз», целый год прошёл. Это я своё назначение в тот раз обмывал. Как добрался до дома, как открыл калитку, как прилёг в летней кухне – ничего не помню! Я хоть и не любитель выпивать, но как с коллективом не выпить, тем более являясь виновником торжества. Хорошо, что жена у меня понятливая. Да и частный дом имеет свои преимущества. Живём-то мы в посёлке, недалеко от города. Всего двадцать километров, но на работу приходится вставать в пять утра и ехать почти час по сельским дорогам, чтобы добраться до своей вотчины – третьего, самого дальнего лесничества.

– Всё, я поехал.

Несмотря на свои годы, УАЗик бодро ехал, поднимая за собой дорожную пыль, как заговорила всю дорогу молчавшая рация:

– «Кордон семнадцать» ответь «Базе». Иван, ты где? Ответь!

– Петрович, я уже подъезжаю. Минут через десять буду на месте, что-то срочное? – и чего это лесничему неймётся? Он же знает, что в восемь утра я всегда на работе.

– С диспетчерской передали, что южная граница второго лесничества, вроде загорелась. Твой расчёт ближе всех, поезжай, посмотри.

– Где конкретно, кто передал?

– Квартал четвёртый, возле дороги. Прямо на границе с твоей зоной ответственности.

– Принял, – произнёс и отключился. Рассуждать, чей район, чья зона ответственности, не принято. За то время, пока согласовываешь, уточняешь, споришь, огонь может с небольшого очага разгореться до такой степени, что тушить придётся не один день, а сколько бед он может принести?! Если наш расчёт ближе, то надо съездить и проверить.

«Вот и начался очередной день», – подумал я, въезжая в ярко красные ворота. – «Надеюсь, что расчёт уже на месте. Хотя, у меня бойцы все, как на подбор, отслужившие в армии, некоторые с боевым опытом. Только один «молодой» – Женёк, двадцатилетний парнишка, примкнувший к нам на лето подработать. Сегодня, как раз у него первая зарплата...».

– Саныч! – вывел окрик Серго, первого номера расчёта, – до тебя Петрович докричался?

– Да. Прямо, возле части достучался. Не знаю, что с рацией. То ловит за сотню километров, а то в трёх только треск помех.

– Так выезжаем?

– Все на месте?

– Обижаешь, командир.

– Тогда сейчас переоденусь и выдвигаемся.

– Без пересменки?

– Без. Время терять не будем. Передай, прошлая смена пусть идёт домой. Я журнал потом сам заполню...

«Р-раз!» – по привычке отдал себе команду и принялся надевать боевую одежду и снаряжение. Сверился с часами: двадцать шесть секунд. «Для норматива в составе отделения, хорошо, но вот индивидуально...», – поморщился я.

После армии, я вернулся в родное село и немного помывавшись, устроился бойцом в пожарную часть. За год доказал, чего стою и меня направили в Институт МЧС учиться на заочное отделение. Благополучно его окончил и, видя моё рвение, а скорее недостаток кадров, меня позвали работать лесничим, о чём не жалею. Всё-таки и лесник, и пожарный в сельской местности специальность хоть и незаметная, но незаменимая.

– Командир! Расчёт к несению боевого дежурства готов! Больных, хромых, незаконно отсутствующих нет, – возле ярко-красной автоцистерны на базе УРАЛ, выстроился боевой расчёт: четыре бойца и водитель.

– Замечания? Жалобы? Кто не может нести службу?

До меня развод на боевое дежурство проходил формально, но за два года, как стал командиром расчёта, мне всё-таки удалось навести какой-никакой порядок.

– Командир, – заговорил Серго, – всё в норме. Цистерна заправлена. Баки полные. Инвентарь, инструменты на месте. Можно выдвигаться.

– Добро! По местам!!! – отдал команду.

До границы с четвёртым кварталом ехали молча. Только гулкий рёв двигателя раздаётся по округе. Я смотрел на пожухлую, пожелтевшую траву подлеска и радовался, что нет сильного ветра. Из опыта и знаний, приобретённых во время учёбы, я знал, самое опасное, что может быть в лесу – это верховой пожар, который охватывает листья, хвою, ветки, и всю крону, оставляя после себя только выжженное пространство. Его скорость распространения такова, что на автомашине не всегда удастся спастись бегством. Всё-таки лесная просёлочная дорога

это вам не шоссе, а вошедший в силу огонь распространяется стремительно, и скорость его распространения доходит до семидесяти километров в час.

– Командир, что задумался? – спросил сидевший рядом водитель, усатый весельчак Андрей.

– Не знаю, почему, но вспомнил лекцию о верховом пожаре, – ответил честно.

– Во, как! Вроде, это, везде успеваем. Разгораться не даём, да и, это, соседи рядом. Помогут, если что.

– Помогут, и мы поможем. Вроде гарью запахло, чувствуешь?

– Есть такое, но дыма не видно.

– Подлесок горит. Смотри, слева на десять часов. Давай, останавливай. Потом лучше подъедешь, если рукава не дотянутся.

– Добро, – ответил Андрей и УРАЛ остановился.

Команду на покидание машины отдавать не стал. Не успел я выйти из салона, как подскочил Серго.

– Сколько стволов разворачиваем?

– Два. Пусть третий и четвёртый номера расчёта поработают.

– Понял, молодого учить будем?

– Не учить, а помогать освоиться к несению боевой службы. Он месяц уже с нами, а второй раз только на выезде. Пусть опыта набирается. Очаг небольшой, сам смотри, ветра нет. За час должны управиться.

– Понял, командир. Третий и четвёртый номера, ко мне!

Я отошёл в сторонку, давая своему заместителю – первому номеру расчёта, руководить операцией. Ничего сложного в выполнении поставленной задачи я не видел. Горел подлесок площадью десять-пятнадцать квадратных метров. Ветра нет. Стволы деревьев огнём не занялись, так что справятся. Взял тангенту рации:

– «База», я «Кордон семнадцать» прибыл на место. Приступил к тушению.

– Принял «Кордон семнадцать», я «База», доложи обстановку.

– Горит подлесок. Площадь возгорания небольшая, справимся своими силами.

– Понял, хорошо. Слушай, Иван. Тут поступила информация от метеослужбы, они прогнозируют усиление ветра до 15-20 м/с и температуру воздуха к концу дня до +42С⁰.

– Что сегодня будет жарко, с утра понятно было – ни облачка на небе. А вот, что ветер усилится, это плохо.

– Ты ещё походи, посмотри, не поджог ли это?

– Принял. Обследую, – ответил, и отключился.

Как раз дотушат и с молодым разберём этот случай. Поджог это или естественное возгорание определить относительно легко. Но, пусть учится.

С возгоранием два бойца справились за час двадцать. Конечно, долго, но по всем правилам: с локализацией очага, тушением и дотушиванием. Пролили всё водой, ни дымка, ни мало-мальски горячих головешек.

– Жень, устал?

– Нет, Иван Александрович.

– Тогда пошли, посмотрим. Попробуй определить причину возгорания.

– Да, что тут определять?! Видно, что поджог. Почти в центре очага возгорания куча веток, какое-то тряпье и пахнет не то бензином, не то ацетоном.

Я принял. И вправду – резкий, раздражающий запах ацетона, который я первоначально принял за вонь от гниения.

«Не первый случай, – отметил для себя. – Надо доложить. Коллеги из соседних частей рассказывали, что и они фиксировали факты поджога».

– Командир, пожар потушен, – подошёл чем-то недовольный Серго.

– Что такой хмурый, Сергей Иванович?

Уже не помню, по какой причине, почему к первому номеру расчёта Сергею Ивановичу Дроздову прилипло прозвище «Серго». Вроде, на Орджоникидзе не похож: русоволосый, усов нет. Только кто-то назвал его «Серго», так и прижилось.

– Пока ходил, смотрел, Петрович вызывал. Я ответил. Приказано пополнить запас воды и к северной границе первого и второго лесничества выдвигаться. Туда все боевые расчёты собирают.

– Что-то серьёзное?

– Не успевают локализовать очаг. Есть опасность верхового пожара.

Собрав инструменты и инвентарь, выдвинулись на север. Ехать по просёлочной дороге часа три-четыре. И я уже прикрыл глаза, хотел вздремнуть, но доносящиеся сзади голоса не давали расслабиться.

– ...молодой, когда женишься и захочешь, чтоб пацан родился, ты под кровать каску положи. Верняк!

Это Василий Мамонов. Узнал басовитый голос третьего номера расчёта. Он, считай, самый старший из нас. Лет пятнадцать в пожарной охране служит, но так начальником и не стал. Я сначала думал, почему? Вроде умный, опытный, но что заметил – не умеет излагать свои мысли, но это дело поправимое. Сколько таких мычащих, несущих ахинею и среди политиков, и стоящих у руля власти находится, но Василий Мамонов в том-то и дело, что если говорит, то по делу. Я как-то спросил у него, почему отказался стать руководителем, хоть и маленького, но коллектива, в котором он имеет весомый авторитет. На что получил просто убийственный ответ:

– А зачем? Работа есть, жена, дети. Дом исправный. По осени баню дострою. Зачем мне лишние заботы? Руководить-то это не только большую зарплату получать, но и отвечать не только за себя, но и за подчинённых. Ты же знаешь, у меня трое пацанов растут, а за ними глаз да глаз нужен. То подерутся, то в школе набедокурят. Так что мне их хватает...

– Почему каску?

– Эх, Евгений, ничего ты не понимаешь в колбасных обрезках. Посмотри на меня – трое детей и все сыновья!

– А причём тут каска?

– Так откуда у пожарного под подушкой пилотка появится?!

Вот тут молодой завис. Я, сидя впереди слышал, как он думает, пытается соотнести «каска-кровать», «пилотка-подушка».

– Не мучайте молодого. Жень, – взял бразды разъяснить армейскую шутку, – в армии есть поверье, чтобы родился парень, надо под подушку положить пилотку. Но так как у пожарников не предусмотрен такой головной убор, то его поменяли на каску...

– А «под подушку», поменяли на «под кровать», – довольный своей сообразительностью, закончил мысль Женька.

– Правильно! – ухмыльнулся Василий, и постучал пальцем по каске, – как же ты такую большую хренотень под подушку положишь, она ж мешаться будет!!!

Весёлый смех разнёсся по кабине...

– Ого!!! Сколько экипажей собралось! – не удержался от удивлённого возгласа Андрей.

Вдоль границы второго участка выстроились, считай, все экипажи, а это ни много ни мало, двадцать одна машина.

– Останови, Петровичу доложу о прибытии.

– Командир, ты там построже, чтоб... – не успел договорить первый номер расчёта, как я выскочил из машины.

Если есть возможность доложить лично, всегда использовал такую возможность. Всё-таки личное общение много значит, а рация, что рация. Она ж не передаст мимику лица, выражение глаз, да и интонацию речи сглаживает.

– Иван! Подходи, что стесняешься?!

– Не стесняюсь. Просто смотрю народа много. К тебе не пробиться, вот и ожидаю своей очереди.

– Очереди у нас нет. Ладно, все свободны, для опоздавшего я повторю. Остальным к машине и ждать сигнала.

– Не опоздавший, а...

– Ты тут мне ещё перечить будешь! – оборвал мою попытку оправдаться, Петрович. Он, конечно, мужчина опытный, но местами чрезмерно строгий, хотя, дело своё знает, что не отнимешь.

– Ладно, повторю сначала. Метеорологи сообщили об усилении ветра до двадцати пяти метров в секунду... – Петрович говорил уверенно, смотря прямо в глаза, как будто испытывал, или проверял, – низовых очагов очень много. Я отправил на патрулирование пару экипажей, но локализовать один очаг не успели...

– Верховой пошёл? Где?

– Да, верховой и только усиливается. С пятого участка первого лесничества началось, встречать будем здесь.

– Для этого все экипажи собрал?

– Для этого. Забыл, что такое верховой пожар, или напомнить?!

– Не надо, помню. Это когда горит вся крона от листьев, хвои до ветвей. Распространяется быстро, температура около тысячи градусов, может достигать тысячи двухсот. Развивается из низового пожара, скорость распространения до семидесяти километров в час.

– Верно, хорошо учился.

– В линию встречать будем?

– А есть другое предложение? Тут, на границе, как раз все расчёты выставить сможем в одну цепочку. Три экипажа резерв, чтоб подменить или заменить, кого нужно могли...Комплектность?

– Порядок. Полный комплект согласно штатному расписанию.

– Тогда возьми на себя край левого фланга и смотри, чтоб не окружили!!! Вопросы?

– Когда начинаем атаку?

– По моей команде. Сейчас резерв сменит позицию и начнём. У тебя есть минут десять-пятнадцать.

– Понял.

– Если понял, то давай к своим.

Возвращаясь к своему экипажу, перебросился парой фраз со знакомыми, но надолго задерживаться не стал. Надо перед началом атаки ещё раздать указания своим подопечным...

– Экипаж!

– Слушаем, командир, – опять влез Серго.

– Слушай боевую задачу: выдвигаемся на край левого фланга и прикрываем основную группу. Наша задача не дать огню окружить расчёты.

– Командир, кто в основном заслоне?

– Трудно сказать, Василий. Идёт верховой пожар. Как он повернётся, неизвестно. Задача ясна?

– Ясна-ясна.

– Тогда в машину! Андрей, – окликнул водителя.

– Да, знаю, командир, знаю. Буду смотреть в оба.

Двигатель заурчал, и автомашина плавно дёрнулась с места, остановившись у самой границы, разделяющей лесничества. Я присмотрелся: огонь бушевал метрах в сорока от кромки леса. Языки пламени то вздымались резко вверх, словно обнимали стан любимой девушки, то откатывались назад, оставляя после себя огнедышащий, всепоглощающий жар, способный за считанные мгновения испепелить ставшее на его пути живое существо.

«М-да. Как быстро идёт. Когда приехали, сколько прошло? Минут двадцать назад и намёка на пожар не было. Ни дыма, ни гари не чувствовалось, а тут, за эти десяток минут, так всё поменялось».

Большая масса искр из горящих ветвей и хвои, летела перед фронтом огня, создавая множественные очаги низовых пожаров. Я обернулся, посмотрел на подопечных. Лица серьёзные, взгляд сосредоточен. Нет ни страха, ни безрассудного геройства, что в принципе одно и то же. Что трусость, что отсутствие чувства самосохранения заставляет совершать не логичные, а в большинстве случаев фатально критичные ошибки.

Из размышлений вывел треск рации:

– Внимание всем!!! Говорит «База»! Экипажам доложить о готовности!

– «Кордон шестой» на позиции.

– «Кордон двенадцатый» на позиции...

– «Кордон семнадцать» на позиции, – последним произвёл доклад, как только автомобиль остановился.

– Атака!!! – сквозь треск помех прозвучал приказ.

Глава 2

– Расчёт, покинуть машину! Номера согласно боевому расписанию! Водитель на месте! Контроль расхода воды!

«Эх, времени не хватило. Чуть пораньше бы прибыть, но нам-то дальше всех было ехать. Ну, ничего. Развернёмся, успеем».

Все, даже почти всегда сонный второй номер расчёта Геннадий Николаевич, быстро покинули машину и принялись разворачивать стволы. Сколько помнил, Гена, слегка тучный мужчина средних лет, никогда не спорил, говорил мало, из-за чего складывалось впечатление, что ему всё до лампочки. Но дело он своё знал. Не зря долгое время занимал должность второго номера расчёта.

– Первый и второй номера! Проложить основную линию слева от машины и держать сектор. Третий номер! Проложить линию с разветвлениями. Будем тушить в два ствола! Четвёртый номер! В помощь третьему!

Ответов на команды не последовало, да и не ждал я их. Тут уже не до соблюдения устава. Огонь, разгоняемый ветром, с остервенением бушевал на высоте, что мощности пожарного насоса не хватало, чтобы достать до вершин. Лестницу разворачивать, смысла нет. Остаётся только одно – работать в два ствола, чтобы одна пара прикрывала другую, ставя сплошную стену из воды. Сначала хотел отдать приказ свалить ближайшие деревья, но убедившись, как распространяется огонь, понял, что это бессмысленно.

– Командир! Второй ствол подсоединён!

– Третий, к стволу! Четвёртый, помогай.

– Андрей, доклад о количестве воды каждые две минуты!!! Отставить, каждую минуту!

«Что-то совсем занервничал. При работе в два ствола на полную мощь всей воды хватит от силы на пять-шесть минут активной работы».

– Две трети остаток, – докричался водитель.

Шум выталкиваемой под давлением воды, шум ветра, шум от треска ломающихся ветвей, слился в единый гул. Я внимательно следил, чтобы огонь не обошёл нас и не взял в кольцо, давая указания перенаправить струю воды то левее, то чуть выше, локализуя опасные попытки вырваться из водной западни страшному, всепоглощающему чудовищу под названием огонь.

– Половина, командир!

«Не справимся. Воды не хватит. Запросить резерв?»

Я посмотрел вдаль, стараясь разглядеть, что происходит на правом фланге, но из-за клубов дыма не было видно и ближайший расчёт. Только по сливающимся в один протяжный гул натужно работающих насосов понимал, что рядом кто-то есть.

– Треть, командир!

– Принял! Готовь машину к отходу. Поедем заправляться.

– Бочку не звать?

– Не думаю, что до нас очередь дойдёт. Сколько экипажей в работе, а сколько автоцистерн?

– Я только три видел, – раздосадовано произнёс Андрей.

– Вот то-то и оно. До нас очередь не дойдёт, тем более и им надо воду набирать.

– Тут, километрах в десяти речка есть.

– Так до неё ещё доехать надо, наполнить объём и вернуться.

– Это верно.

– Стоп!!! Всем стоп! Сворачиваемся!!! – отдал команду, не дожидаясь доклада об опустошении цистерны. Она, конечно большая. Три тысячи литров, но в одиночку, без подвоза воды, такой пожар не затушить.

«Интересно, какую степень сложности пожара присвоят? Если час назад уже присвоили «Вызов №4», это когда подтверждено сообщение о пожаре, сложная обстановка и запрошены дополнительные силы, только где их взять? На месте работают все кто рядом, и это явно больше тринадцати отделений», – размышлял, подходя к машине.

– Вода осталась?

– Литров сто, не больше.

– Серго! Пролейте машину и одежду. Намочите тряпки. Что-то дыма много.

– Командир, думаешь, предстоит прорываться?

– Лучше перестраховаться, что-то соседей не слышно.

– А рация?

– Молчала, – ответил водитель.

И тут я вспомнил, что поставил вызов на минимальную громкость, а световой индикатор в такой кутерьме сразу не разглядишь.

– «Кордон семнадцать»!!! Мать твою! Ответь «Базе»!

– «База», это «Кордон семнадцать», на приёме.

– Что не отвечал?! А ну быстро уходите оттуда. Все отошли, только вы там остались!

Видишь, что огонь набирает силу!!!

– Принял. Куда отходить?

– К развилке Панасыча. Там перегруппируемся.

– Понял, – ответил и отключился.

– Развилка Панасыча? Где это? Что-то не припомню.

– Я покажу. Да заводи уже!!! Все на месте?

– Все. Всё собрали, ничего не забыли. Машину пролил, одежду пролил, сам-то, что не стал?

– Время дёрого. Да, поехали уже!

– Куда?

– Разворачивайся и на развилку, где три дороги в никуда уходят. Разве не знаешь? Это и есть дорога Панасыча.

– Во, как! Не знал.

– Будешь знать, Андрей.

Машина дернулась и поехала.

– Лет двадцать назад, – продолжал пояснять, – в лесничестве работал Панасыч. Крепкий мужичок. В Великую Отечественную, говорят, ещё воевал. Так он, чтоб говорит новым супостатам, если они на Родину двинут, тяжелее было сориентироваться, десяток просек-дорог понаделал на участках и ни на одну карту не нанёс. Когда вскрылось, как же незаконная вырубка, нарушение кучи правил и норм. Но, помнишь, хотя откуда, в конце девяностых сильные пожары были. Не такие как в этом году, но тогда, что... всё развалено. Одна автоцистерна на всё лесничество... так эти просеки и помогли сдержать огонь. Вот так вот.

– А Панасыч? – задал вопрос молодой.

– Что Панасыч? Умер он лет десять назад. Не то девяносто ему было, не то девяносто пять.

– А как же ЗАГС, ну там архивы разные, что возраст не могли точно установить? Почему такой разброс?

– Эх, Женька-Женька, и вправду молодой ты ещё, – ответил на развеселивший меня вопрос четвёртому номеру расчёта, – в те время, как документы выдавались?

– Не знаю.

– У нас в селе, например, документы только в тридцатые годы выдавать стали. Мне бабушка рассказывала. Вызвали, говорят в сельсовет, спрашивают, сколько годков от роду, а она и возьми, прибавь себе пару лет. Она сама статная была, не выглядела на свои шестнадцать. Ни школы, ни как ты говоришь, архива не осталось. Церковно-приходская книга, куда записывали родившихся и умерших, сгорела. Вот и прибавила она себе годков, чтоб замуж выйти.

– И что, вышла?

– Куда вышла? – не понял я.

– Ну, бабушка, замуж вышла?

– Конечно! А ты думал, как же я тогда появился?! Отец мой вторым у неё родился. Уже после войны.

– Командир, здесь куда?

Я отвлёкся от разговора. Все были уставшие, а отвлечённая беседа, особенно когда говоришь не заумными словами, располагает к эмоциональной разрядке. Василий, например, хитро улыбался. Геннадий мирно дремал, прикрыв глаза. Серго сосредоточенно слушал, а Женька удивлённо, с раскрытыми глазами впитывал каждое слово. Только Андрей смотрел за дорогой.

– Та-ак, по ходу здесь сделали пункт заправки. Становись в конец очереди. Я пойду, поговорю с Петровичем...

– Иван! – не успел отойти от машины, как меня окликнули, – четырнадцатый экипаж не видел? Может, они за вами едут?

– Нет. Мы последние снялись. И по дороге никого не встретили. А что случилось?

– Одного экипажа нет. И рация молчит, но лучше у Петровича узнай. Он на прорыв команду собирает.

Я шёл в сторону наскоро организованного оперативного штаба и считал, сколько прошло времени с того момента, как покинули границу участков. Выходило не больше сорока минут. В принципе, время достаточное, чтобы экипажу не торопясь добраться. Но почему молчит рация? Ладно, я забыл включить громкость, но... кто там командир в четырнадцатом экипаже? Семён Сергеевич – мудрый, опытный. Такого безрассудства, что совершил я, не допустит. Хорошо, что ребята не поняли, что рация была выключена, хотя, скорее всего, поняли. Только виду не подали. Всё, как ни как хорошо закончилось. С другой стороны, может дальше ушли и лес глушит сигнал. Бывает, что стоишь всего в паре километрах, а кроны деревьев такие густые, что радиосигнал не проходит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.